

Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина.

Гр. Вильгельмъ Нессельроде ¹⁾.

Нессельроде, это старинная фамилія немедіатизированныхъ графовъ Священный Римской Имперіи. Младшій членъ этого семейства, не обладавшій большимъ состояніемъ, отправился служить въ Россію, пользуясь я не знаю чьей протекціей, былъ послѣдовательно полномочнымъ министромъ въ Лиссабонѣ и Берлинѣ и наслаждался одно время милостью Павла I.

Это время было непродолжительно, такъ какъ Нессельроде любилъ отпускать слишкомъ вольныя слова. Онъ былъ высланъ въ Германію, потому что однажды началъ свою рѣчь такъ: „Я буду имѣть честь рассказать одну вещь, которую не знаютъ ни Ваше Императорское Величество, ни Ваши министры“. И онъ отправился въ Франкфуртъ, гдѣ и умеръ глубокимъ старикомъ.

Проѣзжая черезъ этотъ городъ по пути въ Лиссабонъ, несмотря на свой пожилой возрастъ, онъ женился на нѣкоей м-ше Гонтаръ, происходившей изъ буржуазной купеческой фамиліи. Это была особа очень симпатичная, съ очень большими достоинствами, что доказываетъ между прочимъ и родъ ея смерти—очень странной, почему я и расскажу о ней здѣсь. Однажды послѣ обѣда, когда она была одна, вдругъ вошелъ въ гостиную одинъ дворянинъ—частый посѣтитель ихъ дома, закрылъ дверь на ключъ, вскочилъ на стулъ, стоявшій ближе всѣхъ къ шнуру отъ колокольчика, чтобы нельзя было до него достать, и признавшись м-ше Нессельроде въ страсти, которую она никогда не подозрѣвала, объяснилъ ей, что онъ рѣшилъ

¹⁾ Нессельроде, графъ Вильгельмъ, русскій полномочный министръ при Португальскомъ и Германскихъ дворахъ, при Екатеринѣ II, отецъ канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде.

или сейчасъ удовлетворить своей страсти или умереть. Бѣдная женщина хотѣла позвать на помощь, но напрасно; люди были далеко; она хотѣла броситься къ окнамъ, чтобы позвать на помощь сосѣдей. Тогда началась между ними борьба, во время которой она ударила нѣжной частью тѣла о ручку кресла, боль чуть не лишила ее чувствъ, когда неожиданный шумъ заставилъ негодая убѣжать. Она рѣшила, улегшись въ постель, скрыть свои боли и сохранить тайну, но у нея объявилась гангрена; она хотѣла помощи только отъ церкви и довѣрила это страшное приключеніе только одной нѣмкѣ, своей подругѣ, бывшей замужемъ за однимъ изъ товарищей графа Нессельроде.

Отъ нея то узналъ я эту исторію со всѣми подробностями и, еслибъ я ея не рассказалъ, она осталась бы неизвѣстной.

Отъ брака старца съ женщиной, бывшей уже не первой молодости, родился сынъ, который въ теченіе всей своей жизни казался зародышемъ, ускользнувшимъ изъ банки со спиртомъ. Его карьера очень замѣчательна.

Его отецъ представилъ мнѣ его въ 1793 году во время моей поѣздки въ Италию. Онъ заставлялъ его учиться кое-какъ въ Берлинѣ и одѣвалъ его по-матросски, такъ какъ маленькій человѣчекъ любилъ больше плавать, чѣмъ ходить и потому что онъ мало надѣялся пристроить его въ Россіи иначе, какъ во флотѣ. Я его потерялъ изъ виду до царствованія Павла I, который, питая пристрастіе къ нѣмцамъ, назначилъ маленькаго Нессельроде своимъ адъютантомъ и заставилъ его командовать въ большой шляпѣ и широкомъ платьѣ на большой лошади.

Это была фигура, достойная кисти художника, и смерть Императора, изнурявшаго его, была очень кстати для спасенія ея жизни. Но что дѣлать дальше? Я, бывший въ сильной немилости, рѣшилъ устроить его судьбу, не думая, правда, что онъ пойдетъ такъ далеко. Я убѣдилъ его начать дипломатическую карьеру, на которую заслуги его отца давали ему нѣкоторое право. Я повелъ его къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Панину—моему явному врагу. Велико было удивленіе его сіятельства, когда доложили обо мнѣ, но я просто сказалъ ему. „Мы не любимъ другъ друга, но это не мѣшаетъ намъ дѣлать добро. Я привелъ къ вамъ человѣка знатнаго рода, но безъ карьеры и безъ протекціи. Позаботьтесь о его судьбѣ. Онъ не настолько глухъ, чтобы бѣгать за пустыми отличіями, но онъ хотѣлъ бы ихъ заслужить. Посмотрите, что позволяетъ вамъ сдѣлать ваше положеніе и что ваше сердце приказываетъ

вамъ сдѣлать?“ Я ихъ оставилъ однихъ. Слѣдствіемъ этого страннаго свиданія было удивительное счастье Нессельроде.

Его отправили служить подъ начальство ловкихъ и строгихъ учителей, къ старому Алопеусу въ Берлинъ, къ графу Штакельбергу въ Гагу такъ, что когда обстоятельства и перемѣны привели Нессельроде въ Парижъ подъ начальство князя Александра Куракина, лучшему и великолѣпнѣйшему вельможѣ, но къ самому незначительному изъ посланниковъ, секретарь посольства сталъ очень ему полезенъ и казался орломъ Бонапарту, который желалъ имѣть Куракина посломъ, зная его за глупца, и былъ сердитъ на секретаря за то, что онъ мѣшалъ ему; наконецъ, когда войны и время выдвинули маленькаго человѣчка, Императоръ Александръ, любившій окружать себя людьми безъ всякихъ связей и имѣвшими канцелярскій навыкъ, назначилъ его, къ всеобщему удивленію, статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Онъ женился тотчасъ же на дочери всемогущаго министра финансовъ Гурьева. Такъ много удачъ, выпавшихъ ему на долю въ короткое время, покрыли его отличіями и осыпали золотомъ. Дойдя до вершины счастья, онъ выказалъ неспособность, заставившую его тутъ и остановиться, т.-е. нѣкоторую нерѣшимость въ переговорахъ, которую Императоръ считалъ скромностью и которая погубила бы его при государѣ, не думавшемъ показывать видъ, что все дѣлается имъ самимъ.

Я могу привести поразительное доказательство этой скромности.

Когда по возвращеніи Бонапарта съ острова Эльбы въ 1815 году весь дипломатическій корпусъ удался изъ Парижа, я увидѣлъ, что, благодаря своему ничтожеству, я могу оказать неоцѣнимую услугу Европѣ, важнѣйшіе государи и министры которой находились еще въ Вѣнѣ, надо было остаться въ Парижѣ и выѣхать оттуда, только собравши всѣ данныя военнаго и политическаго характера, могущія освѣтить положеніе узурпатора. Я такъ хорошо исполнилъ свой планъ, что на двадцать второй день я отправился въ Базель, очень хорошо освѣдомленный относительно всего того, что имъ важно было знать, и увозя сверхъ того секретаря брата короля, котораго хотѣли разстрѣлять, и одного бѣглеца-гвардейскаго драгуна, котораго меня просили снасти.

Изъ Базеля я отправилъ въ Вѣну очень подробную записку, совѣтуя союзникамъ не терять ни одной минуты и напасть на Наполеона со всѣми находящимися въ ихъ распоря-

женіи силами. Впослѣдствіи князь Меттернихъ и графъ де-Мерси рассказали мнѣ, что послѣ прибытія моей депеши въ Вѣну въ 11 часовъ вечера, назначено было засѣданіе конгресса и что въ 2 часа ночи курьеры уже отправились къ лорду Веллингтону и генералу Блюхеру съ приказаніемъ выступить. Я не ожидалъ для себя благодарности, тѣмъ менѣе вознагражденія со стороны Государя, недовольнаго мною за то, что въ глазахъ Европы онъ былъ мнѣ очень обязанъ, и это было такъ. Всѣ другіе монархи ожидали сигнала моего Государя, чтобы дать мнѣ доказательства своей благодарности. Я думалъ, что Нессельроде, на котораго я могу смотрѣть, какъ на свое созданіе, бывший въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ по крайней мѣрѣ увѣдомить меня о полученіи моей депеши; но прошло уже 6 лѣтъ, и я еще все жду этого. Онъ зналъ, что Императоръ поостерегся выказать мнѣ свое удовольствіе, и съ этого времени счелъ своимъ настоящимъ долгомъ не исполнять по отношенію ко мнѣ даже вѣжливыхъ формъ, принятыхъ въ обществѣ. Надо сказать, что Александръ рѣшилъ, что войска не должны выступать до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ его армія, но послѣ полученія моей депеши пришлось отказаться отъ этого плана. Онъ не простилъ одному изъ своихъ подданныхъ того, что тотъ изъ гостиницы Трехъ Базельскихъ королей началъ битву при Ватерлоо.

Человѣкъ съ характеромъ понялъ бы, какъ важно было мое сообщеніе при этихъ обстоятельствахъ. Онъ говорилъ бы съ Государемъ, какъ человѣкъ знатный и какъ министръ. Но маленькій человѣчекъ не дѣлалъ этого и пряталъ свое сердце въ карманъ, лишь только являлся къ своему Государю.

Его отецъ впадалъ въ другую крайность. Онъ говорилъ все, что хотѣлъ говорить, что только приходило ему въ голову; а такъ какъ къ забавной наружности онъ присоединялъ еще шутливую манеру обращенія, то его колкія остроты и насмѣшки производили глубокое впечатлѣніе. Павелъ I, сильно осаждаемый своей женой, когда дѣло шло о Вюртембергской фамиліи, приказалъ старому Нессельроде привести въ порядокъ дѣла принца Людовика—своего шурина, который находился на прусской службѣ.

У него были дома во всѣхъ углахъ Берлина. Собравъ всѣ документы о нихъ, Нессельроде не воздержался прибавить къ нимъ еще одинъ счетъ о расходахъ принца на сладости 2.000 экю. Понятенъ смѣхъ Императора и его министра и гнѣвъ Императрицы. Какъ было неприлично обезсмертить государственной

уплатой издержки подобнаго рода, сдѣланныя принцемъ, генераломъ, человѣкомъ 40 лѣтъ!

Императрица никогда не простила ему этого. Такъ какъ хитрый старикъ въ молодости служилъ во Франціи и долго жилъ въ Парижѣ, и такъ какъ затѣмъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ находился въ обществѣ Фридриха Великаго и остряковъ, окружавшихъ его, то онъ попадалъ очень мѣтко, вотъ почему остерегались попасть ему на зубокъ. Я увѣренъ, что въ разговорахъ со мной, довѣряя мнѣ, онъ смѣялся бы отъ всего сердца надъ блестящимъ и неловкимъ положеніемъ своего сына. Но онъ появился на свѣтъ, когда его отецъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, такъ что послѣднему не удалось наслаждаться его успѣхами.

Его невѣстка—ш-ше Нессельроде была дюжей и высокаго роста особой, такъ что казалось, что ея мужъ выпалъ у нея изъ кармана. Она была умна, воспитана, умѣла себя хорошо поставить по отношенію къ Императору Александру, охотно напускала на себя важный видъ, который не подходилъ къ мизерной наружности ея мужа, который, въ обществѣ Императора и этой огромной женщины и среди высокихъ обязанностей своего званія самъ собою напрашивался на карикатуру.

Я забылъ передать очень остроумныя слова стараго Нессельроде.

Его обвиняли въ нескромности въ разговорахъ съ Павломъ I и хотѣли избѣгать его общества. „Меня обвиняютъ“, сказалъ Нессельроде по этому поводу при случаѣ очень громко, „въ томъ, что я передаю Его Императорскому Величеству все то, что я слышу, но я могу поклясться, что я еще никогда не слышалъ въ этой странѣ чего-либо такого, что стоило бы передавать“.

Сообщ. Е. Шумигорскія.

